

— Вэнь Линь! — позвал Цзи Яо.

Вэнь Линь так и замер.

В его голове безумным вихрем столкнулись похоть, остатки разума, слепая привязанность и жгучий стыд. Казалось, ещё секунда — и эти бушующие чувства вырвутся из груди, испепеляя и его самого, и Цзи Яо. Он судорожно, хрипло дышал, пытаясь подавить эту невыносимую, удушающую боль.

— Цзи Яо... Яояо... — прошептал Вэнь Линь, притиснувшись лбом к его гладкой, обнажённой спине. Глаза его покраснели от подступающих слёз.

Вэнь Линь стоял перед ним на коленях, глядя со смесью горечи и муки. На пальцах руки, которой он только что снял повязку с лица Цзи Яо, поблескивала прозрачная влага.

Цзи Яо поначалу принял её за смазку, но, присмотревшись, понял: это были слёзы.

Его собственные слёзы.

«Он что... действительно плачет?»

Вэнь Линь потянулся к нему и осторожно стёр подушечкой большого пальца дорожки, бегущие по щекам Цзи Яо. На его лице проступила улыбка — такая жалкая, что ранила больше любых слёз.

— Я не буду, — тихо сказал он. — Только... не плачь.

Странно. С чего вдруг его так прорвало? Страх? Обида? Стыд? Или... детское бессилие перед чужой силой?

Цзи Яо растерянно смотрел на Вэнь Линя, пока слёзы одна за другой упрямо катились из глаз. И именно в эту секунду двери спортзала с грохотом распахнулись.

На пороге застыл Чжан Хэ с пакетом еды в руках.

«Пиз-дец».

В голове Цзи Яо пронеслось это ёмкое слово. Стоило Вэнь Линю убраться, как лучший друг заживо сожрёт его своим ядовитым сарказмом.

Не успел Цзи Яо придумать, как отбиваться от неминуемых издёвок, как Чжан Хэ

действительно нахмурился и... прикрыл за собой дверь.

Вот только уходить он не собирался. Бросив пакет с едой прямо на пол, он широкими шагами двинулся к ним, на ходу засучивая рукава. Взгляд его был прикован к Вэнь Линю.

— Ах ты тварь, Вэнь Линь! — рявкнул он. — Жить надоело, сука?! Решил моего кореша покрутить?!

«Стоп, это не по сценарию!»

Разве Чжан Хэ не должен был деликатно прикрыть дверь, дать им дотрахать, а вечером прочитать лекцию о том, что беспорядочные половые связи доведут его до цугундера?

Цзи Яо ещё не успел сообразить, что происходит, как Чжан Хэ с размаху впечатал подошву в грудь Вэнь Линя, отправив того в полёт. Не дав противнику даже выпрямиться, он навалился сверху и принялся методично, с глухим стуком вбивать кулаки в его лицо.

Чжан Хэ иступлённо злился. И в этой ярости сквозило горькое, удушливое раскаяние.

Он ведь прекрасно знал, что Цзи Яо шляется с кем попало, вечно ищет приключений на свою задницу и заигрывает со всеми подряд. Но ему всегда было просто лень лезть не в своё дело — мол, пусть сам разбирается со своей жизнью.

Он ведь видел, что добром это не кончится. Понимал, что рано или поздно Цзи Яо доиграется и сгорит в этом огне... Почему же он ни разу не попытался его остановить?

Вэнь Линь даже не пытался защищаться. Он лежал неподвижно, безропотно принимая удары, способные искалечить.

Но Чжан Хэ было плевать, подставляется тот нарочно или нет. Кровь ударила ему в голову, гнев застилал глаза — он всерьёз вознамерился забить этого ублюдка до смерти.

Цзи Яо на секунду остолбенел. Забыв о собственной наготе, он сорвал голос на крик:

— Чжан Хэ! Хватит! Прекрати, твою мать! Развяжи меня сначала! Ты же его убьёшь! Чжан Хэ, остановись! Со мной всё в порядке... Всё нормально, слышишь?! Чжан Хэ!!!

Тот недовольно насупился. С трудом разжав побелевшие кулаки, он напоследок с силой пнул скорчившегося Вэнь Линя под дых и лишь после этого нехотя подошёл к Цзи Яо, чтобы распутать узлы.

Освободившись, Цзи Яо потянулся к разбросанной одежде, но Чжан Хэ бесцеремонно перехватил его руку. Окинув цепким взглядом покрытое багровыми отметинами тело друга, он задержал взор на покрасневших ягодицах.

Прежде чем Цзи Яо успел что-то понять, Чжан Хэ развёл указательный и средний пальцы и, бесцеремонно раздвинув складки у входа в его лоно, заглянул внутрь, проверяя целостность:

— Он вошёл в тебя?

Тон у него был совершенно будничным, будто у проктолога на медосмотре, но Цзи Яо чуть сквозь землю не провалился от стыда. Судорожно перехватив чужие пальцы, он попытался отпихнуть друга:

— Не успел он! Отвали! Хватит паяться, дай одеться!

Чжан Хэ насмешливо фыркнул, подумав:

«Надо же, вспомнил про стыд. А когда на полу в моей гостиной кувыркался, скромность тебя не мучила?»

Это случилось много лет назад. Цзи Яо тогда впервые привёл своего парня знакомиться. Они втроём пили пиво и резались в приставку, пока не набрались до чёртиков. Чжан Хэ тогда ушёл на балкон подышать свежим воздухом, а когда вернулся, из комнаты донеслись странные звуки. Заглянув в гостиную, он увидел совершенно голого Цзи Яо: тот обвивал ногами талию своего хахаля, а его бёдра в бледном свете луны отливали серебром, точь-в-точь как скользкая чешуя выброшенной на берег рыбы.

Тогда Чжан Хэ чуть наизнанку не вывернуло от омерзения.

Впрочем, если подумать, на теле Цзи Яо для него давно не осталось тайн. Он до сих пор помнил, как после своего первого «взрослого» опыта тот заработал анальную трещину. Идти к врачу бедолага побоялся, родителям признаться — тем более, так что мазать пострадавшее место мазью пришлось Чжан Хэ. Тогда от одного взгляда на эту картину его выворачивало, а теперь, за столько лет, он научился созерцать задницу друга с абсолютным олимпийским спокойствием.

«До чего же катится моя жизнь... Просто плакать хочется».

Цзи Яо мысленно стонал от неловкости. Вообще-то он тоже человек, и ничто человеческое ему не чуждо!

«Интересно, мне так неловко просто потому, что Чжан Хэ стопроцентный натурал?»

Чжан Хэ понятия не имел, какие глупости роятся в голове его приятеля. Он бесцеремонно притянул его к себе и рукавом собственной куртки вытер ему лицо. Убедившись, что слёзы высохли (а ведь Цзи Яо пустил всего парочку крокодиловых слёз, но этого хватило, чтобы Чжан Хэ сорвался с цепи), он грубо схватил его за запястье и потащил к выходу.

Цзи Яо послушно семенил следом, не переставая скулить:

— Слышь, полегче! Клешни свои убери, руку вывихнешь!

Чжан Хэ даже ухом не повёл. На пороге он нагнулся и подобрал брошенный пакет с Утиными деликатесами Чжоухэйя.

— Вот же прожора несносный, — фыркнул Цзи Яо.

Чжан Хэ покосился на него и равнодушно бросил:

— Я взял утиные головы и шейки. Можешь даже не разевать рот — тебе не достанется.

Цзи Яо обожал именно эти части. К слову, утиные язычки Чжан Хэ считал своей безраздельной собственностью, и любой, кто посягал на них, рисковал остаться без рук.

От такого заявления у Цзи Яо буквально защемило сердце:

— Твою мать, Чжан Хэ! У тебя вообще совесть есть?!

— Отродясь не бывало.

Их весёлая перепалка постепенно затихла вдали, и в полумраке баскетбольного зала снова воцарилась глухая, мёртвая тишина.

Вэнь Линь продолжал лежать на холодном полу, безучастно уставившись в потолок. Если бы не слабое, прерывистое движение грудной клетки, его можно было принять за покойника.

Уходя, Цзи Яо так ни разу и не оглянулся.

Чжан Хэ бил со знанием дела, не щадя сил. Лицо, рёбра, живот, спина — каждый сантиметр тела Вэнь Линя теперь отзывался невыносимой, пульсирующей мукой. Кровь попала в дыхательные пути, заставив его зайтись в судорожном, хриплом кашле.

Но сильнее избитого тела болело сердце. Оно словно сжалось в ледяной кулак, и каждая его артерия содрогалась в агонии.

Он сам во всём виноват. Сам накликал эту беду.

Задыхаясь от кашля, Вэнь Линь с трудом перевернулся на бок и сжался в комок на грязном полу.

Больно. Боже, как же больно...

Тем временем Чжан Хэ притащил Цзи Яо к себе домой. Тот даже удивился: после одной памятной интрижки приятель наотрез запретил ему переступать порог этой квартиры. И его можно было понять — Цзи Яо тогда умудрился забрызгать своими биологическими жидкостями чуть ли не обои на стенах. Какая гадость, если подумать.

Когда Чжан Хэ застукал их, случайного любовника он выставил без лишних слов, а вот самого виновника заставил отрабатывать. Цзи Яо тогда, словно покорная невестка в традиционной семье, ползал на коленях с тряпкой, пока не вылизал каждый угол до зеркального блеска. Только после этого ему разрешили уйти, строго-настрого запретив возвращаться — особенно в компании очередного хахаля.

«Эх, а ведь весело было, даже немного ностальгия берёт».

Чжан Хэ бесцеремонно швырнул ему в лицо махровое полотенце, а сам ушёл на кухню. Повязав фартук, он принялся готовить ужин, попутно размышляя о случившемся.

«Так дальше продолжаться не может. Пора вправить этому придурку мозги».

Эта мысль казалась единственно верной.

<http://bllate.org/book/20554/2130796>